

ПАРЕМИИ В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Ломакина О.В.
кандидат филологических наук,
зав. кафедрой русского языка и культуры речи,
Московский институт иностранных языков

Ключевые слова: паремия, этномаркёры, паремиологическое пространство

Национально-культурные элементы когнитивной системы ярче всего проявляются на лексико-фразеологическом уровне. Так, экспрессивная, оценочная, модальная лексика, языковые метафоры, фразеологизмы, паремии (пословицы, поговорки, присловья, загадки и под.), являясь репрезентантами национальной картины мира, помогают осознать национальную специфику и дополнить данные о языковой картине мира. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов показал, «что формирование и употребление идиом протекает в более широком контексте, чем внутренние законы развития языка, а именно – в контексте антропологической парадигмы, рассматривающей, в частности, включённость языковой личности в культуру как её субъекта» [Телия 2006: 778]. Это замечание можно отнести и к паремиям.

В многочисленных лингвистических исследованиях последних десятилетий паремии рассматриваются как элемент национальной картины мира. Через интерпретацию значения пословиц и поговорок и при соотнесении их с характером прототипической ситуации обнаруживаются национально-культурные особенности анализируемых единиц. По словам В.М. Мокиенко, пословицы информативны двуплановы: они констатируют «различные стороны жизни» и обладают высокой степенью «кумулятивности» [Мокиенко 2001: 7].

«Лингвистической модой» был продиктован поиск проявлений национального в различных языковых единицах, в т.ч. в пословицах и поговорках. Не стоит обобщать и субъективно интерпретировать языковые факты, выдаваемые за национальные стереотипы: «классическая их (паремий – О.Л.) систематизация может считаться когнитологией как таковой» [Мокиенко, 2010: 177]. Современная паремиографическая практика доказывает, что паремии имеют эквиваленты в разных, даже неродственных, языках (например, словарь «Russisch – Deutsch – Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter»). Итак, пословицы и поговорки любого языка, отражая систему ценностей конкретного народа, представляют собой универсалии, репрезентируемые в каждом языке определенным образом. Справедливо наблюдение Л.Б. Савенковой: «Паремиологический фонд отдельного языка «инвентаризирует» набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей» [Савенкова 2002: 16]. Представляется, что при составлении новых паремиологических многоязычных словарей следует сопровождать статьи подробным историко-культурологическим комментарием, созданием лингвокультурологического «портрета» паремии, что упростит межкультурную коммуникацию. Изучение пословиц с позиций лингвоаксиологии, одного из развивающихся направлений лингвистики, позволяет выявить ценностные ориентиры, запечатленные в паремиологическом фонде языка.

Восприятие значения паремии, являющейся многокомпонентным образованием, происходит посредством

пословичного конденсата (термин Е.И. Селивёрстовой), который «передаёт в сжатом виде – без прикрас – смысл» единицы [Селивёрстова 2009: 132]. Нередко затруднения в понимании значения паремии, особенно в иностранной аудитории, вызывают национальные маркёры (resp. этномаркёры) – такие компоненты фразеологизма / паремии, которые отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке.

Этномаркёрами в паремиях служат следующие номинации:

1) имена собственные, которые могут «нести ярко выраженную смысловую нагрузку и обладать скрытым ассоциативным фоном, иметь особый звуковой облик, имена и названия способны передать национальный и местный колорит, отражать историческую эпоху» [Горбаневский 1988: 3];

2) названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды;

3) этнонимы – названия народов и племён.

Рассмотрим более подробно обозначенные группы и приведём некоторые примеры из паремиологического пространства Л.Н. Толстого.

Изучению имени собственного в составе паремий посвящены работы О.П. Альдингер (2006), Т.И. Востриковой (1999), Т.Н. Кондратьевой (1964, 2004), Н.А. Максимчук (2006, 2007), О.Е. Фроловой (2007) и др. Н.А. Максимчук для обозначения имен собственных-компонентов фразеологизма (в т.ч. паремии) вводит понятие фразеонима – «комплексной ономастической единицы в составе фразеологизма, совмещающей в своей семантике и выражающей в ассоциативно-культурном фоне признаки онима и фразеологизма» [Максимчук 2007: 171].

Среди паремий с компонентом-именем собственным можно выделить следующие группы:

1) с антропонимом – именем собственным: По Сеньке шапка, по Ерёме кафтан; На безлюдье и Фома дворянин; Наш Филипп ко всему привык; На бедного Макара все шишки валяются; Чего не знал Ванюша, того не будет знать Иван и др.;

2) с топонимом – наименованием географических объектов (регион – Не болтай, а то отправят на Алтай, город – Дядя едет из Серпухова; бороду гладит, а денег нет; водные объекты; село – Кому село Любятово, кому горе Лютое), дериватами от топонимов – этниконимами – названиями жителей (Смоляне пехтерём солнце ловили; Не учи астраханца рыбу ловить), макротопонимами (Прилетел гусь на Русь - погостит да улетит; У нас на Руси силу за пазухой носи; Русь святая белу свету голова);

3) с хрононимами – названиями праздников: Вот тебе, бабушка, и Юрьев день; Дорого яичко ко Христову дню; Нынче – Саввы, завтра – Варвары, а послезавтра – Симоны-гулимоны лентяя преподобного; Не все коту масленица, будет и Великий пост;

4) с зоонимами – кличками животных: Укачали Бурку

крутые горки; Савраска да Каурка – на два века;

5) этнонимами – названиями народов и племён: Цыган от дождя под бороной спасался; Незванный гость хуже татарина.

В количественном отношении преобладают паремии первой группы с компонентом-антропонимом, поскольку имя является хранителем культурной и исторической информации, участвует в создании национальных стереотипов, в появлении ассоциаций, нередко становится прецедентным. По данным О.П. Альдингер, словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля включает 812 антропонимов [Альдингер 2006: 14], что позволяет судить о русском именнике, сложившемся к XIX в. О.П. Альдингер приводит антропонимы, которые наиболее распространены в паремиях: Иван (76 употреблений), Фома (50), Макар (31), Еремей (20), Тит (18) [Альдингер 2005: 4].

В текстологии Л.Н. Толстого встречается несколько паремий с компонентом – антропонимом: Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена; Тит, ступай молотить; Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерошка; Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят; Тётка Матрена терта, терта да перетерта. Например:

- И зачем нас нелегкая несет воевать с Бонапартом? - сказал Шиншин. <... > - Connaissez vous le proverbe (знаете пословицу): «Ерема, Ерема, сидел бы ты дома, точил бы свои веретена», - сказал Шиншин, морщась и улыбаясь. - Cela nous convient à merveille (Это к нам идёт удивительно). Уж на что Суворова - и того расколотили, à plate couture (вдребезги), а где у нас Суворовы теперь? Je vous demande un peu (Я вас спрашиваю), - беспрестанно перескакивая с русского на французский язык, говорил он («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. XVI; 12: 49).

Антропоним Ерёма, представляющий собой народную форму имени Еремей, что отражает эпоху расслоения именника на официальный и неофициальный, является продуктивным при образовании паремий: Всяк Еремей про себя разумей; Ведает о Ерёме в большой хороме; Фома не без ума, Ерёма не без промысла; Указчик Ерёма, указывай дома; По Ерёме шапка, по Сеньке колпак; Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали; Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа; Сиди, Ерёма, дома, считай веретёна; Сидел бы ты, Ерёма, дома, да точил веретёна; Ерёма, Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна и др. Имя Ерема в паремиях олицетворяет собой хитрого (Фома не без ума, Ерёма не без промысла) и упрямого (Ерёма в воду, Фома ко дну: оба упрямы – со дна не бывали) человека, дающего советы (Указчик Ерёма, указывай дома), любящего гулять, а не работать (Наш Ерёма не сказался дома; Ерёма! Сиди дома – погода худа). Как видно из приведенного ряда паремий, в языке сосуществуют разные варианты пословицы Ерёма, сидел бы ты дома, точил веретёна, в которых имя Ерёма ассоциируется с лентяем и бездельником. Поскольку веретено – приспособление для ручного прядения, представляющее собой деревянную, уже точёную до острия палочку, то точить веретено считается бесполезной, ненужной работой. Как и в других паремиях с антропонимами, говорящий таким образом выражает негативное отношение к абстрактному лицу.

Достаточно продуктивным при образовании паремий является имя Тит: Наш Тит и под лавкой спит; Тит, поди

молотить! – Брюхо болит. – Тит, иди вино пить! – Ой, дай обволокусь, да как-нибудь доволокусь; Тит! Иди молотить. – Брюхо болит. – Тит! Иди кашу есть, – А где моя большая ложка? Пьяный Тит псалмы твердит; Тит да Афанас, разымите нас; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, пойдём вино пить! – А где мой старый кафтанишко?; Тит, поди молотить! – Брюхо болит. – Тит, пойдём вино пить! – Бабёнка, подай шубу!; Тит, поди молотить! – Спина болит. – Тит, поди вино пить! – Дай кафтанишко захватить!; Наш Тит без бабы спит; Тит в горе что кит в море и др. Как видно из примеров, многочисленны реплики, представляющие собой ответ на побуждение Тит, поди (иди) молотить. Все ответы показывают действующее лицо пословицы как ленивого и праздно живущего человека, склонного к пьянству. Можно предположить, что негативное отношение к названному абстрактному лицу связано с датой именин, которые приходится на 15 апреля, чаще это время Великого поста, когда запрещено употребление спиртного, непостной пищи, люди призываются к сдержанному образу жизни.

По наблюдениям О.Е. Фроловой, обычно «антропонимы не называют конкретных объектов в экстралингвистической действительности» [Фролова 2007: 239]. Однако в следующем контексте пословица используется как буквальное обращение к конкретному действующему лицу романа.

На дворе Кутузова слышались голоса укладывавшихся денщиков; один голос, вероятно, кучера, дразнившего старого Кутузовского повара, которого знал князь Андрей, и которого звали Титом, говорил: «Тит, а Тит?»

– Ну, – отвечал старик.

– Тит, ступай молотить, – говорил шутник.

– Тьфу, ну те к чёрту, – раздавался голос, покрываемый хохотом денщиков и слуг («Война и мир», т. 1, ч. 3, гл. XII; 9: 321).

Вместе с тем характер ответа не созвучен традиционным репликам, распространенным в языке и представляющим собой отговорку Брюхо (спина) болит. В данном случае в ответной реплике слышится обида, человеку даже неприятно, что его так называют. Л.Н. Толстой использует потенциал пословиц, в которых имя Тит стало олицетворением ленивого и неработающего человека и расширяет его, конкретизируя и актуализируя пословицу.

Как показывают наблюдения, женских имен в пословицах намного меньше, чем мужских. Это закономерно, ведь в русском языке в целом наблюдается то же явление: поскольку женщина в обществе играла второстепенную роль, ее жизнь чаще всего ограничивалась домом и семьей. Исследователи неоднократно отмечали гендерную асимметрию при оценке женщин во фразеологии и паремииологии [Алексеевко 2006, Малишевская 1999, Мокиенко 2007, Ничипорчик 2009, Телия 1999 и др.] В русском языке, как и в других языках, преобладают паремии с отрицательной оценкой женщины, что М.А. Алексеевко объясняет общезыковой закономерностью: «любой язык несёт в себе следы патриархата» [Алексеевко 2006: 29]. Традиционно в паремииологии женщина, ее дела и поступки оцениваются мужчиной: «маловероятно, однако, чтобы женщина давала себе негативную оценку сама или выделяла себя как исключение из женского сообщества, говоря о женщинах вообще плохо» [Ничипорчик 2009: 198].

Антропоним Маремьяна, народный вариант имени

Марианна, не является продуктивным при образовании паремий: Маремьяна – старица, а Маккавей – поговей; Маремьяна-старица за весь мир; Маремьяна-старица о всем мире печалится; Маремьяна- старица – на весь мир старальщица. В драме «Власть тьмы» Л.Н. Толстой употребляет поговорку Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят в трансформированном виде – с расширением компонентного состава.

Аким. Облыжно, старуха, значит, на девку, тае, облыжно. Потому девка, тае, дюже хороша, дюже хороша девка, значит; жаль мне, жаль, значит, девку-то.

Матрена. Уж прямо Маремьяна старица, по всем мире печальница, а дома не емши сидят. Жаль девку, а сына не жаль. Навяжи ее себе на шею, да ходи с ней. Буде пустое-то говорить («Власть тьмы», д. 1, явл. 11).

В данном случае писатель подчеркивает двойственность и противоречивость русского национального характера: сострадание русские чаще проявляют по отношению к чужим, а близкие при этом остаются без должного внимания. Таков характер прототипической ситуации, лежащий в основе используемой паремии.

Говоря о поведении антропонима в поговорке, О.Е. Фролова вводит понятие типового антропонима. Типовой антропоним – «наиболее распространенный и известный антропоним, который ассоциируется у носителей языка и культуры с классом объектов, или же эталонным представителем класса» [Фролова 2007: 246].

Нельзя не отметить, что в паремийном ономастиконе функционируют имена, имеющие дополнительное оценочное значение и обладающие ассоциативным полем. Так, Иван соотносится со словом русский, а употребление этого имени с отчеством Иванович получает противоположный импульс и ассоциируется с иностранцами (Ср.: «Иван Иванович, почетное или шуточное имя и отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту, как чуваша на зов: Василий Василич» – ТСД 2: 3). В этом контексте приведем слова О.Г. Ревзиной, изучавшей собственные имена в поэтическом идиолекте М.Цветаевой: «Референт собственного имени выступает в таком случае как совокупность свойств» [Ревзина 1998: 60].

В процессе употребления паремии антропоним может получить оттенок значения и стать прецедентным именем. Одним из главных действующих лиц в драме Л.Н. Толстого «Власть тьмы» является Матрена – «тёртая» деревенская баба, хитрая и изворотливая. Писатель много работал над созданием речевых портретов персонажей драмы, делал записи поговорок, присловий. На наш взгляд, выбор имени был продиктован паремией Тётка Матрена терта, терта да перетерта, служащей в пьесе средством самохарактеристики:

Матрена. Ну, новости сказала. А тетка Матрена и не знала. Эх, деушка, тетка Матрена терта, терта да перетерта. Тетка Матрена, я тебе скажу, ягодка, под землей-то на аршин видит. Все знаю, ягодка («Власть тьмы», д. 1, явл. 10).

Связь компонентов анализируемой паремии скреплена аллитерацией и лексическим повтором предиката. Имя Матрена получило значение, реализуемое в пьесе «Власть тьмы», актуализируемое в приведенном контексте фразеологизмом видеть на аршин под землей, который обозначает «Быть проницательным, дальновидным, предусмотрительным» (ФСРЛЯ 1: 80).

Среди паремий с компонентом-антропонимом особую

группу составляют паремии с компонентом-прецедентным именем:

а) с агнионимом – именем святых православной церкви: На поле Никола общий бог; Никола мужику воз подымает; Пророк Наум наставит на ум; Призывай бога на помощь, а св. Николу в путь;

б) с теонимом – именем божества в славянском языческом пантеоне: Бог не Мокошь (Никитка), повыволомает лытки; Бог не Макеш – чем-нибудь да потешит;

в) с именем исторического деятеля: Был неопалён Наполеон, а из Москвы вышел опалён, Не Стенька: на ковре по Волге не поплывёшь.

По данным О.П. Альдингер, второе место в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля по употребительности в паремиях занимают топонимы, что подчеркивает важность географического названия в жизни человека [Альдингер 2006]. Среди паремий этой группы можно выделить следующие подгруппы:

а) с астионимами – названиями городов: Москва всем городам мать; От малой искры Москва горела; Москва слезам не верит; Едет Ананьин внук из Великих Лук и др.;

б) с гидронимом – названием водных объектов: У нас на Ваге и уха с блинами; Толокном Волгу месили; За Пьяною люди пьяны;

в) с годонимами – названиями улиц: Шёл молодец по Пресне, да свалился; Не кручинься, женихи на Пресне есть.

Л.Н. Толстой употребляет всего три паремии с компонентом-топонимом: макротопонимом Россия (России да лету – союзу нету) и астионимом Москва (Москва всем городам мать и Москва не сеет, не жнет, а богато живет):

Ему не приходило и мысли ни о России, ни о войне, ни о политике, ни о Наполеоне. Ему очевидно было, что все это не касалось его, что он не призван был и потому не мог судить обо всем этом. «России да лету - союзу нету», - повторял он слова Каратаева, и эти слова странно успокоивали его («Война и мир», т. 4, ч. 2, гл. XII; 12: 97).

- Что ж, тебе скучно здесь? - спросил Пьер.

- Как не скучно, соколик. Меня Платоном звать; Каратаевы прозвище, - прибавил он, видимо, с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. - Соколиком на службе прозвали. Как не скучать, соколик! Москва, она городам мать. Как не скучать на это смотреть («Война и мир», т. 4, ч. 1, гл. XII; 12: 46).

Вспоминаю все сотни и тысячи людей городских, — и хорошо живущих, и бедствующих, — с которыми я говорил о том, зачем они пришли сюда, и все без исключения говорят, что они пришли сюда из деревни кормиться, что Москва не сеет, не жнет, а богато живет, что в Москве всего много и что потому только в Москве можно добыть те деньги, которые им нужны в деревне, на хлеб, на избу, на лошадь, на предметы первой необходимости. Но ведь в деревне источник всяческого богатства, там только есть настоящее богатство: и хлеб, и лес, и лошади, и все. Зачем же идти в город, чтобы добыть то, что есть в деревне? И зачем, главное, увозить, из деревни в город то, что нужно деревенским жителям, — муку, овес, лошадей, скотину? («Так что же нам делать?»), XIII; 25: 228).

Примечательно, что первые две паремии Толстой вкладывает в уста Платона Каратаева, типичного представителя русского народа. Как отмечает Л.Б. Савенкова, «крестьянин ощущает себя частичкой большого целого –

народа, страны: Москва – городам мать. Он свято верит, что его Отчизна не погибнет, никогда не исчезнет с лица земли: России да лету союзу нету» [Савенкова 2002 а: 32].

Топоним Москва является самым продуктивным при образовании паремий. Дихотомия «Москва – Петербург» традиционна для русского языкового сознания, что нашло отражение в следующих пословицах: Москва создана веками, Питер – миллионами; Москва бьет с носка, а Питер бока повытер; Питер – кормило, Москва – корм; Питер – голова, Москва – сердце. По справедливому признанию О.П. Альдингер, «во многих паремиях географические названия <...> в результате долгого функционирования приобретают способность обобщать, в результате чего формируется дополнительная семантика, касающаяся исторических, географических, культурных сторон существования этих имен собственных» [Альдингер 2005: 10]. Таким образом, Москва ассоциируется с сердцем России, потому что долгие годы являлась и является столицей, имеет богатую историю, противопоставляется провинции: Родная сторона краше Москвы, Говорят в Москве, а слушают во всей стране.

Вторую группу этномаркёров составляют названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды, названия еды. Например: Вязма в пряниках увязла; В Тулу со своим самоваром не ездят; За сиротой сам Бог с калитой (калита – сумка, подвесной мешочек, карман на поясе); Судила судьба киселем заговеться; Калач в руки, а камень в зубы; Кашира в рогожу обшила, Тула в лапти обула. По словам В.Н. Телия, отражение в языке предметов материальной культуры может стать «надёжным материалом для моделирования культуры» [Телия 1996: 234].

В следующих примерах Л.Н. Толстого встречаются паремии с компонентом-артефактом:

Встал довольно бодро, вышел — и первый блин комом: мужик новосильский просит помощи, и я спешил идти и недобро поговорил с ним (Дневники, 25 августа 1909 г.; 57: 123).

«Чёрный хлебушка - калачу дедушка», - говорит мать детям пословицу в утешение о том, что кулич будет не из белой муки. И дети вдруг от отчаяния переходят к радостному восторгу и на разные голоса повторяют пословицу и ещё веселее ждут кулича («Что такое искусство?», XIV; 30: 145).

«Щей горшок, да сам большой», хорошая пословица, надо держаться ее («Путь жизни», VII, Излишество, II; 45: 109).

Паремии, отражая черты национального характера, будучи ретрансляторами культурной традиции в языке, несут культурологическую информацию, являясь своего рода микротекстом для читателя произведения. При употреблении в контексте пословицы и поговорки реализуют свой потенциал более широко, контекст для паремий является актуализатором. Кроме того, паремиологический анализ невозможен без лингвокультурологического комментария, который необходим и при лексикографировании паремий.

ИСТОЧНИКИ:

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. – М., 1928-1958.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеенко М.А. Негативен ли образ женщины в языке? // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Изд-во «Эллис», 2006. – С. 22 – 30.

2. Альдингер О.П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В. И. Даля: статистический аспект // Седьмые Поливановские чтения. – Смоленск: СГПУ, 2005. – Часть III. – С. 3 – 11.

3. Альдингер О.П. Фразеологическая картина мира в «Пословицах русского народа В.И. Даля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – Смоленск, 2006. – 24 с.

4. Вострикова Т.И. Антропонимы в «Пословицах русского народа» В.И. Даля: к возможности лексикографического описания // Актуальные проблемы современной лексикографии. Словарная работа в школе и вузе: материалы Всерос. науч. конф., Астрахань, 24-26 сент. 1998 г. / Астрах. пед. ун-т; науч. ред. А.Н. Тихонов. – Астрахань, 1999. – С. 115–119.

5. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе: филологические этюды. – М.: Изд-во УДН, 1988. – 88с.

6. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в месяцесловах, пословицах, поговорках, загадках, заговорах и сказках русского народа / науч. ред. М.О.Новак. – Казань, 2004. – 340 с.

7. Кондратьева Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. – Казань, 1964. – С. 98–138.

8. Максимчук Н.А. Фразеоним как функциональная ономастическая единица // III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Сост. М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпова. – Москва: МАКС Пресс, 2007. – С. 170 – 171.

9. Максимчук Н.А. Фразеонимы в системе ономастических единиц // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания: Сб. научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Смоленск: Изд-во ВПВО ВС РФ, 2006. – С. 81 – 87.

10. Малишевская Д. Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 180 – 184.

11. Мокиенко В.М. Гендерное равновесие в возрастной характеристике мужчины и женщины (гендерная пара старый хрыч – старая хрычовка) // Jezyk. Czlowiek. Dyskurs. – Szczecin, 2007. – S. 123 – 133.

12. Мокиенко В.М. О слове псковских пословиц и поговорок / В.М. Мокиенко // Словарь псковских пословиц и поговорок. Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001. – С. 5–11.

13. Мокиенко В.М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Зсицер Колас, 2010. – С. 167 – 188.

14. Ничипорчик Е.В. К вопросу об «авторстве» паремий (гендерный аспект) // Славянская фразеология и паремиология в XX веке: сборник научных статей / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко. – Минск: Зсицер Колас, 2010.

– С. 197 – 202.

15. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта. Дисс. в форме научного доклада ... докт. филол. наук. – М., 1998. – 86 с.

16. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с. – («Русская энциклопедия»).

17. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002. – 240 с.

18. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: Дис. ... докт. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002 а. – 48 с.

19. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «Мирс», 2009. – 270 с.

20. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – С. 13 – 24.

21. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой

фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М., 2006. – С. 776 – 782.

22. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.

23. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 320 с.

СЛОВАРИ:

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1 – 4. – М., 1978. – ТСД

2. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. – М., 1996.

3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА-пресс, 2010.

4. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М., 1997. – Т. 1 – 2. – ФСРЛЯ

5. Walter H. Russisch – Deutsch – Spanisches Wörterbuch aktueller Sprichwörter / H. Walter, V. Mokienko, M. Riiz-Zorrilla Cruzate. Greifswald, 2009.

